

© 2009 г. Н.В. КАБИНИНА

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ РЕЛИКТЫ НИЖНЕГО ПОДВИНЬЯ (Лодья, Оногра, Соломбала)

В статье рассматривается ряд географических названий финно-угорского происхождения, представляющих древнейший топонимический субстрат нижнего Подвинья. Автор затрагивает дискуссионные вопросы этимологизации реликтов, предлагает и обосновывает новые версии их этноязыковой интерпретации.

Финно-угорский топонимический субстрат Русского Севера – одна из самых обсуждаемых и одновременно одна из самых этимологически трудных областей отечественной исторической ономастики. При несомненных успехах, достигнутых к сегодняшнему дню в этноязыковой интерпретации целого ряда «типичных» субстратных названий Русского Севера, неразгаданной остается пока значительная часть редких и единичных топонимов – в то же время именно они во многих случаях таят в себе голос наиболее глубокой древности. Подтверждением тому служит субстратная топонимия низовий Северной Двины, фиксируемая историческими источниками с XIV–XV веков: многие субстратные названия этой территории имеют уникальный для Русского Севера фонетико-морфологический облик, который лишь в единичных случаях дал исследователям основания для убедительных этимологических гипотез. Ни в коей мере не претендуя на конечность результата, автор настоящей статьи предлагает вниманию читателя три этимологических этюда, посвященных финно-угорским топонимическим реликтам Русского Севера – нижедвинским названиям *Лодья*, *Оногра* и *Соломбала*, которые известны многим поколениям филологов и историков по замечательным публикациям «двинских грамот» в работах А.А. Шахматова и целом ряде других изданий.

ЛОДЬМА

Река Лодья впадает в Северную Двину в 15 километрах к северо-востоку от Архангельска, длина ее – около 100 километров. Река берет начало из озера *Лодьмозеро* и имеет достаточно разветвленный бассейн с крупными притоками *Сумара*, *Куропалда* и *Колозьма*. В историческом отношении река Лодья примечательна тем, что с ней связаны особенно устойчивые и многочисленные предания о древней «чуди» – этот факт отмечает один из первых архангельских краеведов, исследователь XVIII в. В.А. Крестинин [Крестинин 1792: 7].

Письменные источники свидетельствуют о том, что постоянное русское население появилось на Лодье не позднее середины XV века. Во всяком случае, по дошедшим до нас документам ясно, что к концу этого столетия на Лодье уже сложилась система хозяйствования, включавшая не только промыслы, но и земледелие. В 1503–1504 гг. на реке известны *Коровкин погост*, *Онекеевская* и *Гришиньская* деревни [АЛЦ 1908: 6], чуть позже фиксируются деревня *Фофановская* и местность *Бабин наволо*к [СГКЭ 1922: 51]. В XV в. на Лодье была построена *Георгиевская церковь*, далее нередко именуемая *Лодомской* или *Лодемской*. Она находилась примерно в 25 километрах выше устья реки и долгое время являлась одним из важнейших центров, контролировавших социальную жизнь нижедвинского региона.

Несмотря на давнюю известность гидронима, серьезно обоснованных этимологий для него пока не предлагалось. В устном общении с коллегами автору не раз доводилось слышать о том, что название *Лодьма* с некоторым сомнением может быть сопоставлено с фин., карел. *lotma*, люд. *lodm(o)* ‘долина, ложбина, низина’ [SSA 1995: 95]; ср. также явно заимствованное из приб.-фин. источника новг. *ло́дма* ‘ложбина с известняковым днищем’ [Мурзаев 1999: 22]. Лексема известна в прибалтийско-финской топонимии: в Карелии с ней связывается название урочища *Lotma* [Мамонтова, Муллонен 1991: 55], а в топонимии Финляндии есть даже как будто прямая параллель севернорусскому гидрониму – река *Lodhmaioiki* (другие варианты записи *Lodhmaioikj*, *Loimijoki*) [SSA 1995: 95]. Финские этимологи не исключают связь этого гидронима с ландшафтным термином *lotma*, однако указывают на сложность исторического взаимодействия схожих лексем *lotma* (в приведенном выше значении) и *loima*, *loihma*, *loim* ‘углубление, дупло; ложбина’, по историческим словарным данным также ‘пески, песчаник’ [SSA 1995: 87].

Как бы ни решался в конечном итоге вопрос о лексическом источнике финского названия, для севернорусской *Лодьмы* сопоставление с приб.-фин. *lotma* не имеет достаточных семантических оснований, поскольку примеры употребления подобных терминов в гидронимии Русского Севера известны пока лишь для малых объектов – например, речных заливов или оврагов с протекающими по дну ручьями, к каковым река *Лодьма*, безусловно, не относится.

В данной статье предлагается иная этимология гидронима. Ее исходным импульсом послужили языковые факты, засвидетельствованные А. Генецем и Т. Итконеном в их лексикографических описаниях диалектов саамского языка¹.

А. Генец, фиксирующий саамские диалектные данные во второй половине XIX в., приводит в их числе две лексемы, засвидетельствованные только в терском диалекте: имя *l̥hte* и глагол *l̥htede*. Согласно транскрипции Генеца, графема *l̥* обозначает долгий сдвинутый назад *i*, а графема *h* – слабый придыхательный звук (подобная основа передавалась бы на русский язык как **лыт*-). Значения лексем в терском диалекте следующие: *l̥hte* ‘жертва; саамская языческая вера’, *l̥htede* ‘приносить в жертву, совершать языческий обряд’. Кроме этих слов, А. Генец фиксирует также одну производную лексему: *l̥ht-pālle* ‘время совершения жертвенных обрядов (= фин. *tammikuu* «январь»).

Через несколько десятилетий Т. Итконен, составлявший свой словарь в условиях длительной экспедиции на Кольский полуостров, уже не обнаруживает в терском диалекте лексем, записанных Генецем – факт неудивительный, если принять во внимание социальные перемены, принесенные в жизнь северного края XX веком. Однако Т. Итконену удается подтвердить данные Генеца фиксацией новой производной лексемы *luo^h-tur*, обозначающей важную часть саамского языческого обряда – деревянный остов, обтянутый оленьей шкурой (обрядовая имитация живого жертвенного оленя). Кроме того, сославшись на данные Г. Хальстрема (нач. XX в.), Т. Итконен отмечает следы исходной лексемы в других саамских диалектах Кольского полуострова: *luoth-poadz* ‘жертвенный олень’ и *luoth-virr* ‘место поклонения богам и жертвоприношений’ [KKLS 1958: 213].

Специальный фонетический комментарий к этим данным почти не требуется: хорошо известно, что терское *l̥* (или *l̥* по Генецу) во множестве случаев соответствует дифтонгам типа *uo* в других диалектах кольских саамов (в кильдинском диалекте нередко также *ü*). Несмотря на оскоточность фактов, по ним вырисовывается возможность реконструкции древней саамской основы **lōt*-, которую, вероятно, исходно следует считать глагольной, как и многие основы с подобным «ритуальным» значением. Тем самым в топонимии при данной основе возможен формант *-(V)м*-, восходящий, по мнению большинства исследователей, к древнему финно-угорскому суффиксу причастий и прилагательных (см. подробнее: [Матвеев 2004: 23–24]). Этот формант известен в некоторых архаичных саамских топонимах, поэтому название *Лодьма* вполне может иметь

¹ Далее данные А. Генеца приводятся по работе Т. Итконена [KKLS 1958: 213].

собственно саамское происхождение. В этом случае оно должно толковаться как «Река совершения жертвенных обрядов», т.е. в языческом смысле «Святая, Священная река», объект с древним культовым значением, каких, судя по иным топонимическим данным – например, по названиям на *Пыи-/Паи-* – на Русском Севере было достаточно много [Матвеев 2004: 234–238].

В связи с этой этимологией заслуживают внимания приб.-фин. лексемы, со знаком вопроса приводимые авторами SSA в качестве соответствий к саамским. Развиваясь, по-видимому, из некоего древнего «языческого» источника, эти приб.-фин. слова имеют ныне целый ряд далеких от него значений, ср. фин. *luote*, *luoteet* '(стиховой) заговор; уловка, каверза; проделка, проказа; отговорка; упрек, хула', *luode* 'то же; судьба, рок', *luotella* 'упрекать, осуждать; клеветать', *luotattaa* 'ворчать, бурчать', карел. *luote* 'заговор, заклинание; упрек, осуждение' [SSA 1995: 110]. Возможно, в далекой древности эти слова имели значение, близкое к значению саамских диалектизмов – тогда для названия *Лодьма* можно допустить и финское происхождение. При этом, однако, саамские данные следует признать более убедительными – в частности и потому, что они, в отличие от «темных» финских, уверенно возводятся авторами SSA к древнегерманским этимонам с топонимичными и предельно близкими к саамским значениями (**blōta-*, ср. др.-норв. *blót* 'языческий праздник', *blóttre* 'жертвенное дерево' [Там же]: саам. *лѳ-мур* является, видимо, точной калькой этого германского слова). Разумеется, вполне вероятно и то, что гидроним *Лодьма* принадлежал древнему вымершему наречию, в котором совмещались прибалтийско-финские и саамские черты.

Немаловажно, что гипотеза, предполагающая «культовую» семантику гидронима, находится в отношениях взаимной аргументации с отмеченными выше фактами исторического порядка: как с фактом особой устойчивости связанных с Лодьмой преданий о «чуди», так и с фактом раннего строительства самой крупной и влиятельной церкви нижнего Подвинья именно на реке Лодьма – в неудобном для хозяйствования месте, в глухих и заболоченных лесах, примерно в 50 километрах от новгородских административных центров нижнедвинского региона. Основание церкви на Лодье, видимо, в первую очередь служило задачам борьбы с языческими традициями аборигенного населения – разумеется с его сопутствующим религиозным и экономическим подчинением. Как отмечает А.Л. Шилов, основание церквей на местах языческих святилищ было в средневековой Руси не только обычной «местной» практикой, но и неотъемлемой частью сознательной политики церковной и светской властей [Шилов 2006: 53]. В Поморье XV в. эту ситуацию можно видеть и в другом, более известном случае – основании Соловецкого монастыря на месте языческого святилища, в тесном окружении «дикий лопи».

В связи со сказанным нельзя не обратить внимание на официальное название Лодомской церкви – *Георгиевская* (в ранних документах есть и более полное ее наименование: *церковь Георгий Страстотерпец* [САС 1972: 242; 1587–1588 гг.]). Для Архангельского Поморья именование церкви в честь великомученика Георгия – явление весьма редкое² и в случае с Лодомской церковью, вероятно, «знаковое», поскольку святой Георгий в русской христианской культуре персонифицирует прежде всего идею победоносной борьбы с язычеством. В русских духовных стихах он под именем Егория Храброго побеждает на поединке язычника «царица Демьяница» [СД 1995: 496–498; Хлыбова 2003: 130–133], тот же мотив победы Георгия над «поганым змием» ярко выражен в русской иконографии (из новгородских образцов широко известна, к примеру, икона «Чудо Георгия о змие» (нач. XV в.), хранящаяся ныне в Третьяковской галерее).

Возвращаясь к этимологии гидронима, в частности, к ее типологическому обоснованию, отметим на основе данных Т. Итконена собственно саамские названия, которые, вероятно, родственны севернорусскому *Лодьма*. На Кольском полуострове (зона сон-

² Еще одна поморская *церковь святого Егория* с нач. XVI в. известна в Кехте (Кехотской волости Двинского уезда) [АСМ 1988: 38].

гельского диалекта) это река *Liõtt-miõrr-jõkk^(A)*, за его пределами – гора *Luotti-mur-uoiva* [KKLS 1958: 990]. Редкость и идиоматическая связанность рассматриваемой основы в собственно саамской топонимии позволяют еще раз убедиться в том, что основа эта весьма древняя и, возможно, на Русском Севере восходит не к непосредственно саамскому источнику, а к какому-либо близкородственному наречию.

ОНОГРА

Озеро *Оногра* находится в окрестностях города Холмогоры, близ левого берега Северной Двины. Название это, очевидно, двухкомпонентное: финаль *-гра* как по фонетическим, так и по смысловым показаниям следует считать рефлексом детерминанта **-ягр* (< **jagr*, **jаγ*, **jägr*, **jäγ* ~ приб.-фин. *järvi*, прасаам. **jāvrē*, мар. *jär*, *jer* ‘озеро’), который, по мнению А.К. Матвеева, наиболее близок к древним саамским или севернофинским данным [Матвеев 2001: 288–289].

Интересно, однако, что в текстах исторических документов *Оногра* квалифицируется то как озеро, то как река, ср.: «у озера у *Оногра* пожня» [СГКЭ 1929: 22; 1653 г.], «а когда де бывает вешняя великая вода, тогда ту пожню Батюрмолу с краю, что от *Оногры* реки, песком засыпает, льдом здирает» [СГКЭ 1929: 245; 1690 г.], «в Матигорской волости поженка Батермола до *Оногры* озера» [СГКЭ 1929: 272; 1691 г.], «а оно о судо стояло на реке на *Оногре*» [ДЛ 1977: 113; 1698–1699 гг.] и т. п. На карте 1792 г. [Челищев 1886: 122] *Оногра* показана как узкая протока, отделяющая Холмогоры от западной части Курейско-Матигорского острова; вдоль нее обозначено несколько небольших озер, одно из которых называется *Плауча*. Это название известно до наших дней – местные жители объясняют его тем, что озеро «плавает», т.е. перемещается и меняет форму при изменениях уровня воды в Северной Двине.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что в данной местности, на островах и близ двинских берегов, которые здесь низменны, гидрообъекты «озерного» типа вообще очень тесно связаны с Северной Двиной. При подъеме воды многие из них превращаются в протоки («полои») или заливы, а при спаде воды могут полностью пересыхать. Эта особенность неоднократно отражена в номинациях озер: близ Оногры известны, к примеру, озера *Первая* и *Вторая Пересуха* (почти полностью обсыхают при малой воде), озеро *Затоплявка* (весной – озеро, летом – покос), озера *Речка* и *Курья* (при курья ‘залив’ [КСГРС]), озеро *Вялахта* (при *лахта* ‘залив’ [КСГРС]), оз. *Хурдуга* (судя по форманту, в прошлом река, теперь – узкое и длинное озеро). Несколько озерных заливов показано на карте 1792 г. [Челищев 1886: 122] в ближайшем соседстве с Оногрой – один из них имеет характерное название *Кутозеро* (ср. *кут* ‘небольшой залив’ в лексике местных говоров [КСГРС]). На основании этих данных возможно предположить, что в названии *Оногра* при его возникновении также отразился специфический местный тип географической реалии – озерный залив, превращающийся в протоку при подъеме уровня воды в Северной Двине. В таком случае основа названия *Оногра* может быть сопоставлена с прасаам. **võņe* [YS 1989: 154], саам. патс. *viõnn^a*, нотоз. *viõnn^a*, кильд. *vīnn^(A)* ‘узкий и длинный залив (моря, озера)’; саам. > фин. *viopo* ‘то же’ [KKLS 1958: 788; SSA 2000: 474]. Утрата начального *в* может объясняться на русской почве в системе подобных колебаний начала слова, ср. исторические варианты топонимов *Ождорма/Вождорма*, *Волховска/Ольховская*, известные в этом же микрорегионе.

СОЛОМБАЛА

Название *Соломбала*, известное с XV века, относится ныне к северной части Архангельска, которая отделена от остальной территории города рекой Кузнечиха. Названию посвящено немало историко-топонимических работ, краткий обзор которых дан А.Л. Шиловым [Шилов 1996: 65].

Этимологические трактовки топонима весьма разноречивы, чему отчасти способствует неопределенность его первоначальной географической квалификации: в истори-

ческих источниках нередко говорится о *Соломбале реке*, однако некоторые контексты позволяют понимать под Соломбалой также остров или берег (ср.: «в Соломбале деревня Карповская» [СГКЭ 1922: 303; 1586 г.] и т.п.).

Основных версий при объяснении этого топонима две. Согласно первой, в названии выделяется начальный компонент *Со-*, сопоставимый с приб.-фин. *suo* ‘болото’; согласно второй, начальным компонентом является *Сол-* < саам. **suolo* ‘остров’. Относительно второго компонента наиболее обоснованной представляется точка зрения А.Л. Шиловой, изложенная в упомянутой выше работе: (**Сол*)-*ломбала* < саам. **lombal* (~ *luobbal*, *lommel*) ‘широкий озерообразный разлив реки’, саам. > фин. диал. *lompola*. А.Л. Шилов полагает, что топоним *Соломбала* в целом означает «расширение реки с островами», что «как нельзя лучше характеризует рельеф нижней Двины» [Шилов 1996: 65]. Отметим, однако, что эта версия может считаться приемлемой лишь в том случае, если *Соломбалой* некогда называлась вся двинская дельта или значительная ее часть.

Нам представляется, что это не так. Во-первых, тексты исторических источников, не всегда указывая на вид объекта, все же свидетельствуют о некоей вполне определенной локализации *Соломбалы* («до Соломбалы реки ловля», «в Соломбале деревня» и т.п.). Во-вторых, в двинской дельте есть еще одна **Соломбала* – детерминант исторического названия, имевшего ранние варианты *Коисоломбала*, *Коисоловала*, *Колсоломбала*, *Комсоломбала* (XVI – нач. XVII в.), позднее *Косоломбала река*, *Косолонбала* (XVII–XVIII вв.). Это совершенно другой объект: согласно историческим привязкам, он находился в западной части дельты – в акватории средней части Никольского устья, близ деревень Бармино, Шихириха и Личка (причем, судя по контекстам, этот объект, как и *Соломбала*, имел сугубо «местный» статус). Ныне в приведенных формах название неизвестно, однако в указанной зоне есть гидроним *Косомбала*, называющий протоку между островами Лясмин и Чубольский. Почти очевидно, что эта *Косомбала* – современный вариант бывшего названия *Коисоломбала*, *Косоломбала река* и др., которое, как видно из всего ряда фонетических вариантов, с течением времени непрерывно трансформировалось и упрощалось.

Важно, что при сопоставлении двух рассматриваемых названий подтверждается фигурирующая в исторических источниках этимологически существенная деталь: *соломбала* квалифицирует относительно небольшой водный объект (*Соломбала река*, *Косоломбала река*, далее протока; оба места источники связывают с «рыбными ловлями»). Это позволяет вернуться к этимологии А.Л. Шиловой, однако его версию необходимо уточнить.

Прежде всего, саам. **lombal* (~ не только *luobbal*, *lommel*, но и *lūmbal*, *lumbol*) Т. Итконеном буквально толкуется так: «маленькое внутреннее озеро, через которое течет река, озероподобное образование на реке» (= нем. «ein kleiner binnensee, durch welchen ein fluss fließt, seeartiges gebilde in einem fluss» = фин. *jokijärvi* ‘речное озеро’) [KKLS 1958: 225]. Как следует из этого определения, название *Соломбала* (**Сол-ломбала*) в целом должно толковаться не как «широкий озерообразный разлив реки с островами» (А.Л. Шилов), а как «маленькое островное озеро на реке» (т.е. «маленькое озеро на реке, протекающей по острову»; кстати, отличное место для рыбной ловли). Можно предполагать, что в прошлом это слово было географическим термином – во всяком случае, в собственно саамской топонимии есть «двойник» поморской *Соломбалы* – речное озеро *Suollumbal* [KKLS 1958: 1018]. В русской лексике двинской дельты, где озер на островных протоках немало, этому термину приблизительно соответствует слово *курган*, ср.: *курган* (Арх.-двинск.) ‘бакалдина с водою’ [Даль 1989, II: 221] – при *бакалдина* ‘глухой залив или ковш (округлый залив с пережабиною, узким проливом)’ [Даль 1989, I: 39].

Обратимся к физико-географическим подтверждениям этимологии. В той части Архангельска, которая ныне именуется *Соломбалой*, на протоке *Соломбалка* действительно есть озеро (А.Л. Шилов пишет, что речка *Соломбалка* – это искусственная канава, выкопанная в эпоху Петра I при устройстве верфи, однако это относится, видимо, лишь к южной части нынешней *Соломбалки*; протока же здесь существовала и раньше, ср.: «деревня Соломбала меньшая Федора, на протоке» [Довнар-Запольский 1905: 144–145;

1678 г.]]³. На протоке *Косомбала* в месте ее слияния с речкой Шапшала также есть озероподобное расширение русла, превосходящее ширину самой Косомбалы в десятки раз.

Итак, *соломбала*, на наш взгляд, – термин и детерминант саамского происхождения, имеющий значение ‘речное озеро на острове, озеро на островной реке (протоке)’. По всей видимости, архангельское *Соломбала* первоначально относилось именно к такому объекту, но далее вследствие метонимии стало обозначать всю близлежащую местность.

ВЫВОДЫ

Не требуется доказывать, что вероятностная интерпретация небольшого круга реликтовых субстратных названий не может служить основой для построения исчерпывающих выводов этноязыкового порядка. В то же время известная общность нескольких этимологических результатов всегда имеет высокую ценность для дальнейшего поиска и, соответственно, должна быть обозначена.

В нашем случае эта общность видится прежде всего в том, что рассматриваемые топонимические реликты самым теснейшим образом связаны с саамскими данными – при этом в каждом из трех примеров проявляются черты достаточно глубокой языковой архаики. Так, вторая часть названия *Соломбала* не имеет точного фонетического аналога в известных ныне саамских диалектах: по вокализму первого слога она соответствует говорам колтта (*luobbal*, *lommal*), однако по наличию консонантной группы *-мб-* исключает прямую связь с этими говорами и сближается с кильдинским *lūmbal*, *lumbol*. Разрешение этого фонетического противоречия видится в том, что название *Соломбала* отражает языковое состояние, близкое к прасаамскому (**lōmb-*). Архаичность субстратного прототипа очевидна и в случае с названием *Лодьма*, основа которого восстанавливается по реликтовым фактам саамской диалектной лексики и, следовательно, также может принадлежать к прасаамской эпохе. Наконец, гидроним *Оногра*, отражая в основе тот же, что и в предыдущих случаях, «*о-вокализм*» (~ прасаам. **ō*), содержит рефлекс детерминанта *-ягр*, для которого, как отмечалось выше, допустимо не только саамское, но и севернофинское («досаамское») происхождение. Эти наблюдения в целом, с одной стороны, ориентируют дальнейший этимологический поиск, а с другой стороны, подтверждают складывающееся в науке представление о том, что так называемые «двинские саамы» отличались от ближайших родственных групп (в том числе – кольских саамов) значительной этноязыковой архаикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АЛЦ 1908 – Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908.
АСМ 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
Даль 1989, I – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1989.
Даль 1989, II – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1989.
ДЛ 1977 – Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорский Летописец. Двинский Летописец. Л., 1977.
Довнар-Запольский 1905 – М.В. Довнар-Запольский. Веревные и разрубные книги Северного края // Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1902 г. Вып. 15. СПб., 1905.
Крестинин 1792 – В.А. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.

³ Этот контекст, датированный 1678 годом, свидетельствует также о том, что А.Л. Шилов ошибается и в другом своем утверждении, согласно которому первое русское поселение на Соломбале возникло не ранее 1693 г., когда Петром I был подписан указ об устройении здесь верфи. Более того, *деревни* (пашни, при которых обычно имелись дворы) «в Соломбале» отмечаются документами уже в XVI веке (см., например [СГКЭ 1922: 303]).

- КСГРС – Картотека словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета).
- Мамонтова, Муллонен 1991 – *Н.Н. Мамонтова, И.И. Муллонен*. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Матвеев 2001 – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. I. Екатеринбург, 2001.
- Матвеев 2004 – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. II. Екатеринбург, 2004.
- Мурзаев 1999 – *Э.М. Мурзаев*. Словарь народных географических терминов. Т. 1. М., 1999.
- САС 1972 – Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.
- СГКЭ 1922 – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Пг., 1922.
- СГКЭ 1929 – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.
- СД 1995 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995.
- Хлыбова 2003 – *Т.В. Хлыбова*. Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А.В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003.
- Челищев 1886 – *П.И. Челищев*. Путешествие по северу России в 1791 году. Санкт-Петербург, 1886.
- Шилов 1996 – *А.Л. Шилов*. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов 2006 – *А.Л. Шилов*. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2006. № 3.
- KKLS 1958 – *T.I. Ikonen*. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958.
- SSA 1995 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Т. 2. Helsinki, 1995.
- SSA 2000 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Т. 3. Helsinki, 2000.
- YS 1989 – *J. Lehtiranta*. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

диал.	диалектный
др.-норв.	древненорвежский язык
карел.	карельский язык
кильд.	кильдинский диалект саамского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка
мар.	марийский язык
нем.	немецкий язык
новг.	новгородские говоры русского языка
нотоз.	нотозерский диалект саамского языка
патс.	диалект Патсйоки саамского языка
прасаам.	прасаамский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам.	саамский язык
фин.	финский язык